

Лидия
Раевская

Билет
на вчерашний
трамвай

Лидия Раевская
Билет на вчерашний трамвай

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816737
Билет на вчерашний трамвай: Астрель: Литпром; М.:; 2009
ISBN 978-5-271-24246-5*

Аннотация

От Ксении Фроловой ушел муж, и все пошло наперекосяк. Пытаясь устроить свою личную жизнь, она постоянно попадает в трагикомичные ситуации, и лишь через несколько лет встречает свою любовь. Но увы, эти отношения сильно отличаются от привычной классической истории. Стоило ли так долго искать?

Содержание

Пролог	4
Часть первая	5
«Не плачь, Алиса»	5
Фарш невозможно повернуть назад	21
Аллергия	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лидия Раевская

Билет на вчерашний трамвай

Пролог

Если жизнь активно предлагает тебе откусать хорошую порцию дерьма, ты, конечно, можешь ее и сожрать. С голодухи-то. Или по привычке. А можешь отказаться и поистязать себя голодом. Пока не найдешь то, что по крайней мере не воняет.

И если ты постоянно покорно заглываешь странную коричневую субстанцию, не надо винить в этом судьбу и плохую карму, доставшуюся тебе в наследство от дедушки-негодяя, который пиратствовал в Карибском море и вешал на нее пленников.

Просто устрой себе разгрузочный день.

Или год.

Или даже больше.

И внимательно следи, что ты кладешь себе в рот.

Чтобы потом не удивляться странному дурному послевкусию.

Часть первая

«Не плачь, Алиса»

«Не плачь, Алиса-а-а-а, ты стала взрослой, праздник наступил, и тебе уже шестнадцать ле-е-ет...»

Радио поет, и я пою.

Шаляпинским таким басом. Это я умею. Глотка у меня луженая. А вообще-то я мало что умею. Путного, имеется в виду.

В общем, пою и орудую шваброй, выгребая из-под дивана поочередно две карамельки, резиновую курицу, обгрызанную сушку и идиотскую детскую книжку «Марина и машина».

Хорошо Алисе. (Ну, хоть кому-то хорошо. И то дело.)

Праздник у нее наступил... (У меня тоже. День половой тряпки. Алиса, я в тебе чую родственную душу.)

Взрослой она стала... (Ну, это у всех по-разному бывает, детка. У кого-то День половой тряпки, у кого-то – День половой жизни.)

А я – не Алиса, и с праздником меня явно прокатили, и лет мне двадцать, но последние два месяца я почему-то ощущаю себя подозрительно взрослой, и с половой жизнью это никак не связано?

Роковое предчувствие? Интуиция?

А вот и нет. Все гораздо прозаичнее. Только песен об этом никто и никогда не напишет.

От меня муж ушел. Сдриснул, господи прости. Как водится, по большой любви. Не ко мне, само собой.

А мне оставил на память двухлетнего сына. Единственное, что не забрал. Наверное, учел, что сей предмет принадлежит ему только наполовину и требует пропитания, памперсов и всего прочего дорогостоящего.

Муж – он ведь не дурак, его не в сарае пальцем делали. Ему-то всяко виднее.

Вот и остались мы с Андрюшкой вдвоем.

Прям какой-то терем-теремок, блин.

«Терем-теремок, кто в тереме живет?»

«Я, Ксюшка-квакушка, Андрюшка-мусор-с-пола-пожирушка (шлеп по рукам), и больше никого. Что надо? Ничего? Ну и шагай себе дальше, по тихой грусти!»

И что это я такая нервная стала вдруг? Ну, с кем не бывает-то? Ну, ушел он...

«И пусть кана-а-ает!»

Ага. А все равно обидно.

«...И стучит в окно взрослой жизни первый твой рассвет!» – радостно и многообещающе допело радио и было выключено моей недрогнувшей рукой.

Издавательство в чистом виде. Над бедной моей душонкой.

– Где папа? – завел привычную шарманку Дюша.

– В пиз... В командировке папа, – так же привычно начала, привычно осеклась и привычно закончила мама.

Теперь – мама-одиночка.

– Где? – не унимался сын. Что подделаешь – он очень любопытен для своих двух лет. Неровен час, в меня пошел. Тьфу-тьфу-тьфу, боже упаси.

– Да хрен его знает где. В далекой-далекой командировке. Там, где медведи живут, котики морские, снежные человеки и, надеюсь, людоеды.

Отвечаю на автомате, а сама думы думаю. Все это, конечно, хорошо. Вернее, все это очень нехорошо, но еще хуже то, что жить нам на что-то надо, а папа наш томатным спонсором быть не пожелал.

Работа нужна. Срочно. Работа-работа-работа. А что я умею?

Умею я мало чего, если честно. Первое: могу языком молотить без перерыва. Только кому это надо? Пою вот еще. Басом шалыпинским. Это многих нервирует. Денег мне за это не дадут, я прям чувствую. Что еще? Последний год работаю в детской театральной студии художественным руководителем. За шестьсот девяносто пять рублей в месяц. Это три килограмма колбасы. А еще работала в магазине когда-то. Апельсины-мандарины продавала.

И ананас.

О, этот ананас... (закатываю глаза и пускаю скупую слезу). Он был один, этот ананас. Красивый такой. Шершавый. Я его от пыли тряпкой протирала иногда. Ананас покупали каждый день. По несколько раз. И всегда дарили мне. А я смущенно улыбалась, напускала в глаза грусти и нечаянной радости и ставила его обратно на полку. И продавала через пять минут заново. Ананас этот в прямом смысле меня кормил. Что там зарплата, которую я всегда получала лишь наполовину из-за постоянных недостач в своем овощном отделе...

Ананас – вот это мощь. Вот это – сила.

Но какая-то определенно отвратительная тетка однажды купила его насовсем. На кой ей сдался мой ананас? Лучше б шапку новую себе купила.

Я проводила ее полным тоски взглядом. Суровый директор магазина дядя Рамиз больше не привезет мне чудо-фрукт. По крайней мере, в ближайшие пару месяцев. Это означало крах моего ананасного бизнеса.

А теперь в магазин я пойти работать не могу. Потому что пришла пора отдавать Андрюшу в ясли. Отводить его туда к восьми утра и забирать после обеда, в час дня. Ну, по первости-то. И он там наверняка разживется свинкой, краснухой, ветрянкой и прочей эпидерсией. А продавец, который работает четыре часа в день и с большими перерывами, никому не нужен.

Мы в очередь на эти ясли записались, когда Андрей еще в пеленках лежал и пузыри слюнявые пускал. Я пришла к заведующей сим детским дошкольным учреждением спустя два года, морально готовая к тому, что меня сейчас будут ненавязчиво разводить на взятку. Которой у меня не было. И взять было неоткуда. Поэтому, вместо взятки, я потащила на переговоры свою маму.

Мама – это лучшее средство борьбы против взяточников.

Мама – это женщина со взглядом сироты и темпераментом гренадера.

Мама – это очень мощное психическое оружие.

В яслях стоял щемящий душу запах рассольника и «ежиков». Мы с мамой прошли по рыжему потертому линолеуму в кабинет заведующей. Выражение обреченности на наших лицах было частью дьявольского плана.

Заведующая восседала за большим столом, перебирая ворох каких-то бумаг, и на нас внимания не обратила.

– Здравствуйте... – проблеяла я и пихнула маму ногой.

– Дорогая Марина Васильевна, – завела мама жалостливую песню, – мы вам мальчика в ясельки привести хотели... Он послушенький, умненький, только вот без отца растет, сиротинка...

Заведующая подняла глаза от бумаг и стала с интересом слушать мамин плач Ярославны.

– Нету отца теперь у Андрюши, Марина Васильевна, ушел он... Сами, поди, знаете, какие мужики козлы бывают! Ушел к бабе чужой, мальчику психику покалечил... Вы б послушали, Марина Васильевна, голубушка моя, как ребенок бедный по ночам плачет и папу

своего зовет-зовет... А не идет к нему папа, чтоб ему здоровья-то прибавилось... И денег у нас в обрез, с маленьким ребенком Ксению ни на одну приличную работу не берут, сами понимаете. Еле концы с концами сводим...

Тут я всерьез испугалась, что мама перегнет палку и начнет рассказывать, что мы живем в шалаше на улице и питаемся отбросами. Мама – она такая. Она меры не знает.

– Бросил мальчика, жену-красавицу, хозяйку рукодельную... – тут мама меня пнула. Я выдавила мученическую улыбку и втянула живот. На красавицу я все равно не тянула, но сделала все возможное, чтоб Марина Васильевна прониклась. И она прониклась.

– Понятно. Фамилия мальчика?

Я встрепелась:

– Фролов. Андрей Фролов.

– Полных лет сколько?

– Два года.

– На горшок ходит?

– Да, с полутора лет приучили.

– Соска?

– Давно забыл.

– Понятно... – Она снова уткнулась в свои бумаги.

Я пожалала плечами и опять пнула свое мощное оружие.

– Возьмете мальчишечку, Мариночка Васильевна? – заскулила мама.

– Возьмем, – не глядя на нас, ответила заведующая и вдруг спросила: – А чем вы можете помочь детскому саду?

Ага. Вот оно. Чем я могу помочь? Песнопениями басом? Вряд ли. А денег нет. Вернее, есть, но совсем немножко. И если я сейчас отдам их Марине Васильевне – мы с Дюшесом пойдем побираться по вагонам метро.

Мама открыла рот, чтобы завести песню про голодного внука, но я ее опередила:

– Вы скажите прямо, что нужно. Я ж намёки плохо понимаю. От меня потому и муж ушел. Что, например, дарят садику другие родители?

Марина Васильевна улыбнулась улыбкой клоуна из кошмарного фильма «Оно».

– Понимаете, э-э-э...

– Ксения Вячеславовна, – подсказала я.

– Ксения Вячеславовна, – продолжила заведующая, – мы будем рады любой помощи. Вот, например, одни родители подарили садику телевизор, другие – итальянские карнизы для штор, еще кто-то...

Ага, а еще золотой рудник, нефтяную скважину и остров в Тихом океане. Щас тебе.

Я невежливо перебила корыстную женщину с мещанскими замашками:

– Три мешка бриллиантов не пожертвую, честное слово. Карнизов у меня нет. А телевизор не отдам, это последняя память о муже. У меня вообще ничего нет, если совсем уж откровенно. Но я могу принести пять мешков игрушек. В хорошем состоянии. И десять пачек бумаги для принтера, если она вам нужна. Больше у меня ничего нет. Правда.

И я посмотрела ей в глаза. Долгим, пронзительным таким взглядом. Это я умею. И даже неплохо.

Марина Васильевна несколько секунд изучала меня, как анализ кала в микроскоп, потом оценила взглядом рыночную стоимость моей одежды и вздохнула:

– Ладно. Приводите ребенка в понедельник, в пятую группу, к половине восьмого утра. До свиданья.

Я пнула маму в третий раз, мы хором завыли: «До свида-а-ания, Марина Васильевна-а» – и, путаясь в коридорах, вышли на улицу.

Щелкнув зажигалкой, я поднесла язычок пламени к маминой сигарете, потом к своей. Выпустила струйку дыма и, по-птичьи склонив голову, уставилась на родительницу.

– Ну, что? Все нормально? – встрепелась она.

– Угу. Спасибо тебе.

– Ты мне не спасибо говори. Ты ответь лучше, когда наконец на нормальную работу устроишься. Мы же с папой не миллионеры. Андрюшку-то еще ладно, вытянем... А ты давай или работу себе ищи, или мужика богатого.

Сигарета вдруг загорчила, и я, не выкурив и половины, затушила ее об угол детсадовского здания.

Мужика богатого. Хорошо звучит!

Перед глазами сразу возникла картина: иду я по улице, а навстречу мне – богатый мужик. В золотых таких одеждах, во лбу алмаз горит размером с яйцо страуса, так что и лица-то не видно. Да и зачем ему лицо, с таким-то яйцом? То есть с алмазом. И вот он идет, распахнув объятия, мне навстречу, и кричит зычным голосом, как в пустое ведро: «Эгегей, Ксюха, я – твой богатый мужик. Я всегда мечтал встретить на улице мать-одиночку двадцати лет, одетую в тряпки с Черкизовского рынка, посадить ее на белый теплоход “Михаил Светлов” и увезти в свое королевство. Там она будет жрать бананы, кокосы и ананасы с рябчиками...»

Ананас, блин! Опять я о нем вспомнила. Какой бизнес был, мама дорогая...

Этот ананас нарушил мой романтический настрой, и я ответила:

– Работу ищу. А насчет мужика – это вряд ли. Лучше и не надейся.

Мама вздохнула и махнула рукой. Дескать, действительно, какой мужик на тебя позарится, если от тебя обычный охранник – и то свалил?

Ну, да. Согласна. Так что богатого мужика вычеркиваем из списка.

По дороге домой я купила газету «Из рук в руки» и принялась изучать рубрику «Работа. Вакансии». Обвела карандашом несколько объявлений и уселась за телефон.

Разговор с потенциальными работодателями повторялся каждый раз практически слово в слово:

– Алло, здравствуйте, я по объявлению насчет работы. Это еще актуально?

– Да, приезжайте на собеседование завтра в десять утра по адресу...

– А... Простите, в чем работа заключается?

– Все объяснит менеджер.

И отбой.

Ну, клево. Сразу сказать нельзя? А что, если я попрусь, как дура, в Химки, и мне там скажут: «Будешь с завтрашнего дня выгребные ямы чистить в Пердьяевке за пятьсот рублей в год»? Я ж расстроюсь, хоть вам и по барабану, товарищи менеджеры.

Ну да хрен с вами. Завтра так завтра.

Первым я решила посетить массажный салон, где мне обещали «дружный коллектив, интересную работу и бесплатное обучение вкупе с высоким заработком».

Конечно, в двадцать лет быть наивной плохо... Кто ж спорит?

Следующим утром под одобрительными взглядами мамы я торжественно собиралась на собеседование. Красила губы модной малиновой помадой, подчеркивающей мои ненатурально черные волосы, и раздирала сапожной иглой слипшиеся от туши ресницы. Мне очень хотелось понравиться владельцу массажного салона с дружным коллективом, в котором я непременно обрету столь нужный мне высокий заработок.

Телефонный звонок раздался, когда я уже стояла в дверях.

– Белка! – завопили в трубке, и я плюхнулась на кровать, понимая, что сегодня на собеседование точно не попаду. А возможно, и завтра.

– Денис! – завопила я в ответ и почувствовала, что мой титанический труд по креативному окрашиванию ресниц пропадает зря. Правый глаз уже защипало.

Белкой меня называл только он. Денис. Мой лучший друг. Прозвище, преследовавшее меня с первого класса, продолжало жить и после окончания школы. В Денисе.

Пока я выходила замуж, рожала и разводилась, Денис служил в армии, изредка пописывая мне оттуда.

Мне его не хватало. Все эти месяцы. Не хватало его улыбки, странно похожей на мою собственную, его голоса, его присутствия.

Иногда казалось даже, что, будь Динька рядом, – от меня и муж бы не ушел, и в массажный салон идти не пришлось бы...

И вот он звонит.

– Ах, ты, свинка моя морская! Ты где? Откуда звонишь? Я тут с ума чуть не сошла, когда ты мне писать перестал! – кричала я в трубку, размазывая по щекам слезы, и чувствовала себя абсолютно счастливой. Впервые за последние два месяца.

– Не ори, – смеялся на том конце провода Динька, – я в Москве уже. На вокзале. Еду домой. Ты сегодня свободна?

– Свободна?! Издеваешься?! Да я для тебя всегда свободна! Ой, мамочки...

Слов не хватало почему-то. Только вот это дурацкое, извечное, самовырывающееся «ой, мамочки»...

– Белка, встретить меня у метро, а? Я хотел сразу на рынок поехать, шмотки какие-нибудь прикупить. Поможешь?

– Не вопрос! Во сколько тебя встречать?

– Через час.

Короткие гудки.

Наблюдавшая за этой сценой мама поджала губы, но ничего не сказала.

А через час я уже висела на Динькиной шее, целуя его куда попало, и на все вопросы только отмахивалась:

– Потом. Вот сядем, рыльца с тобой нажрем, и Белка расскажет тебе жуткую историю о том, как от нее ушел муж. Ты будешь рыдать, как гиена. Я тебе в лицах все покажу, в костюмах, и совершенно бесплатно.

Поход с Денисом по рынку вымотал меня до предела.

Он дотошно подбирал себе полный гардероб, причем исключительно черного цвета.

Вначале он приобрел черное пальто. Затем джинсы. Естественно, черные. Черные ботинки и черный ремень тоже нашлись быстро.

Против черного свитера я запротестовала.

– Ты что, Черный Плащ? Ты киллер? Или киллер в трауре? С какого перепоя у тебя все шмотки черные? Купи себе хоть одну вещь, допустим, серого цвета! Вон, глянь, какой джемперок симпатичный. Серенький, легкий. Давай примерим?

Диня хотел уже сказать, куда мне пойти со моим мнением, но побоялся. Он ссутулился и, шаркая ногами, обреченно поплелся туда, куда был направлен мой указующий перст.

Сонный продавец, спекулирующий китайским ширпотребом, при нашем появлении оживился и начал нахваливать свой товар. По его словам выходило, что эти парчовые одежды шил сам Версаче за пять минут до своей трагической смерти. И висеть бы этим джинсам и свитерам в Лувре на почетном месте, если б их не спер виртуозно он, Ахмет, владелец торгового места на Петровско-Разумовском рынке, и не выставил на продажу за смешные деньги.

Денис развесил уши, а я сурово потребовала серый свитер сорок восьмого размера. Мол, мне по фигу, кто его там сшил и откуда Ахмет его взял. Кстати, судя по запаху, из подвала вьетнамского общежития. Но Диня непривередлив.

Продавец притаранил требуемую шмотку и, по-паучьи сложив лапки на пузе, стал наблюдать, как я одеваю Дениса.

Динька стоял с видом мученика, только что не стонал.

При взгляде на него сразу вспомнилась секретарша Верочка из «Служебного романа»: «Вся скукожится, как старый сапог, и чешет...»

Динька скукожился и тоже чесал. Яйца. С ожесточением и каким-то скрытым смыслом.

Я треснула его по руке и фальшиво-радостно воскликнула:

– Ах, как тебе идет серый цвет! Ты такой сразу стильный стал!

На самом деле из Диньки стильный мальчик – как из говна пуля, но я пошла на принцип – должна же у него быть хотя бы одна не черная шмотка. В качестве моральной компенсации за два часа, проведенных мною на рынке.

Но Денис твердо решил меня обломать:

– Белка, я это носить не стану! Я в нем на педика похож, честное слово!

Я открыла рот, чтобы сказать, что ни один уважающий себя гей никогда не наденет подобное фуфло, но Денис меня опередил:

– Хозяин, дайте точно такой же, только черного цвета.

Я твердо решила обидеться.

Но не успела.

– Белка, ты что пить будешь вечером?

Вообще-то я не любительница выпивать. Ну, разве что повод серьезный да компания хорошая. Сегодня был тот самый редкий случай. Поэтому я, не задумываясь, брякнула:

– Коктейль в баночках. «Трофи». Фейхо... Фейхоавовый... Фейху... Тьфу! В общем, я тебе пальцем покажу!

И с умилением стала наблюдать, как счастливый Динька запикивает в пакет растянутый черный свитер, украденный Ахметом специально, чтобы доставить радость демобилизованному солдату.

По смешной, естественно, цене. Да.

За окном было темно. На часы я не смотрела. Мы с Денисом сидели у него на кухне, не зажигая света, и пили.

Я – свой коктейль, Денис – водку.

– Диня... – Я размазывала по щекам пьяные слезы-сопли и вытирала их Динькиным рукавом. – Ты меня понимаешь? Кому я теперь нужна, Динь? Кто на меня внимание обратит?

Денис пил водку и не поддавался на провокации. То есть моим состоянием не прониклся, а по-мужски гладил меня по голове и о чем-то думал.

– Тебе хорошо, – ныла я, – ты мужик! Ты себе всегда бабу найдешь! А я? А как же теперь я?

Наверное, я ныла очень долго. И водка Диньку уже не спасала. Судя по всему, ему убить меня хотелось... Поэтому он хлопнул меня по плечу, вытер своим рукавом мой сопливый нос и спросил:

– Ты определись: тебе кто нужен? Новый муж или... Ну, ты понимаешь... ты ж симпатичная девочка, тебе без мужика никак...

Динькина тактичность умиляла. Я перестала плакать и хихикнула:

– Девочка? Чтоб у твоих врагов во лбу такая дыра была, господи прости... Ну, какой муж, Динь? Хватит с меня мужей уже. Ты мне лучше скажи: может на меня кто-нибудь позариться? Ну, хотя бы просто для секса?

Денис, вливающий в себя очередную стопку водки, поперхнулся и закашлялся:

– Позариться?! Белка, ты ж у меня баба – о-го-го! – И он потряс в воздухе сжатой в кулак рукой, пару раз задев меня по морде измазанными моими же соплями рукавом. – Да они у тебя все под каблуком сидеть будут! Точно говорю.

Я шмыгнула носом и недоверчиво спросила:

– Правда-правда?

– зуб даю! Ты что? Щас вот на днях Интернет подключу – и мы тебе знаешь сколько мужиков найдем? Устанешь лопатой разгрести! Давай-ка выпьем, Белка. За тебя. За вот такую классную бабу. Все у тебя будет хорошо! Верь мне.

Я поверила.

И нажралась до неприличия.

Танцевала с Динькиным папой на столе ламбаду под марш Мендельсона и на следующее утро опять не поехала на собеседование. Чем изрядно разозлила маму. Но угрызений совести все равно не испытывала.

Потому что вернулся Денис.

И у него скоро будет Интернет.

И я смогу проверить: врал он мне или нет.

Тогда мне очень важно было это знать...

Динька не обманул. Через три дня он позвонил мне и сказал:

– Белка, если хочешь – заходи. Будем мужика тебе искать. Чтоб твоя душа успокоилась, и ты меня своими соплями не доставала.

Я пришла.

Денис важно, как Шопен за рояль, уселся за комп, зарегистрировался в каком-то чате под ником «Линда». И активно включился в охоту на мужиков.

В ту кошмарную ночь Диня нарыл мне Роберта Робертовича.

Именно так. Роберт Робертович. И это был не ник. Имя. С отчеством. А ник у него был, как сейчас помню, – Лав Мэн Из Москвы. И не меньше. И писал он Денису-Линде: «Если ты – кракозябра с кривыми ногами и с горбом, иди сразу в пень. Немедленно. Ибо я – копия Антонио Бандероса и весь из себя небожитель. Даже если ты милая симпатичная девчушка, все равно иди в пень. Потому что мне, Антонио-Бандеросу-Принцу-Охрененному-Роберту-Робертовичу, нужна как минимум Мисс Вселенная. И только».

Линда-Диня хрюкнул и отписал Роберту Робертовичу: «Да твоя Мисс Вселенная третьего дня приходила автограф у меня выпрашивать и была послана в место неприличное пенделем пионерским – для скорости, понял? Я вообще баба обалденная, а ты, наверное, гей молдавский».

Роберт Робертович возмутился и потребовал очной встречи.

Все это время я пристально следила за Динькиными пальцами, бегающими по клавиатуре. Когда они зависли в воздухе, я вздрогнула, посмотрела в монитор и спросила:

– И что мне делать?

Денис пожал плечами:

– А это уже, Белка, не мое дело. Хочешь – съезди, посмотри на него. Только, смотри, в гости идти не соглашайся.

Я подумала и решила съездить... Мне ж интересно было, дуре.

И вот я стою на станции метро «Цветной бульвар» с газетой «СПИД-инфо» в виде пароя и жду Антонио Бандероса.

Стою и думаю о том, как мне повезло феерически и какой у меня Динечка молодец – накопал мне такого завидного жениха!

Очнуться меня заставил писклявый голос:

– Ты – Линда, да?

Я порывисто обернулась. Волосы мои взметнулись, на щеках заалел румянец, и губы жадно зачавкали: «Роберт... Бандерос...»

И тут я его увидела.

Я была готова ко всему. Но не к этому. Передо мной стоял карлик. Почти. Метра полтора. Это если на коньках и в шапке.

Армянин. Судя по всему. На носу бородавка. Очень симпатичная.

Мой взгляд скользнул по длинным, давно невымытым волосам, стянутым в хвостик пасиком от презерватива, и трупная зелень пришла на смену моему алому румянцу.

Но это было еще не все. Застегнутый на три нижних пуговицы, на плечах Бандероса гордо висел побитый молью полуперденчик из крысиных писек, который источал запах пота и чего-то еще, такого же вкусного. А сам мачо дышал мне в лицо ароматом трех десятков мертвых хорьков, убитых дустом в момент групповой дефекации.

Я вздрогнула и уронила пароль. А Роберт улыбнулся улыбкой Фредди Крюгера, поднял пароль и пропищал:

– А ты это... Ниче такая... Я думал, хуже будешь. Ну что, пошли гулять, что ли?

Надо было срочно сваливать, но я почему-то впала в ступор и покорно поплелась за Бандеросом-карликом.

На улице стоял октябрь. И лужи. Много луж.

Я шлепала по ним с обреченностью бурлака и думала о том, что мне сегодня определенно не повезло. Лучше бы съездила на собеседование в массажный салон или еще куда-нибудь. И у меня был бы заработок. И мама не смотрела бы на меня как на постояльца, который третий месяц задерживает квартирную плату. Но вместо этого я шла, как бригантина по зеленым волнам, за Робертом. Неизвестно куда.

Я впала в транс настолько, что очнулась только у дерматиновой двери от писка карлика Бандероса:

– А вот тут я живу. Проходи!

Ну, прям Карлсон, черт подери!

Тут ко мне внезапно вернулся дар речи, и я завопила:

– Нет! Я это... Мне домой надо! У меня... Молоко убежало! И я в туалет хочу! Очень! Честное слово!

Но Роберт открыл дверь и дал мне увесистого пинка – с какой-то легкой, как мне показалось, сексуальной подоплекой.

Я влетела в помещение и замерла, раззявив рот. Помню, когда-то мне очень нравился клип «Коммунальная квартира» ныне почившей группы «Дюна».

Теперь я увидела квартиру, где он снимался.

Тут бегали дети без трусов с горшками в руках, тетки в бигуди с тазами, какие-то мужики в «семейках»... И никто из них не обратил внимания на то, как я, получив второй поджопник, резво полетела по коридору в голубую даль.

Долетев до каморки Роберта, я отдышалась и поймала себя на том, что потею от страха не меньше этого мини-Бандероса. Хорошо еще, что не больше.

А он по-босяцки пнул облезлую дверь ногой и впустил меня в свои палаты. Точнее, втолкнул.

Я медленно огляделась...

Два пивных ящика. На них лежит матрас. Украденный у больного энурезом. Судя по цвету, виду и запаху. Рядом еще один ящик. На нем доска. Это стол, за ним едят. Такой же стул, на нем сидят. Роскошь. Барокко. Фэн-шуй.

Дверь за моей спиной захлопнулась. А значит, путь назад отрезан. Я шлепнулась на стул (который ящик) и стала покорно ждать армянского надругательства.

Роберт Бандерос важно уселся рядом, шлепнул передо мной фотоальбом и сообщил:
– Это фотографии с нудистского пляжа. Оцени мой член.
И страстно задышал.

Я судорожно сглотнула. Похоже, надо мной надругаются прямо сейчас. Возможно, с извращениями. И вероятно, заставят облизывать сизую бородавку. Я икнула, опять вспотела и открыла альбом. Там были сплошные половые органы. Мужские (я все-таки три года замужем побывала). Органы выглядывали из зарослей чего-то дикорастущего. Такую прическу я называла «Тут потерялся и умер Индиана Джонс».

Не зная, какой из этих членов принадлежит Роберту, я на всякий случай сказала:

– Неплохой такой... пенис. Да.

Роберт обнажил в смущенной улыбке коричневые зубы и радостно произнес:

– А теперь выпьем с горя! Где же кружка?

И убежал. А я решила не терять драгоценного времени и попробовала свалить через окно. Но быстро убедилась, что это не так просто, и сникла. Пятый этаж все-таки...

Поэтому я снова настроилась на армянское надругательство.

И оно пришло быстро. Через пять минут. С эмалированной зеленой кружкой, с которой, по-видимому, прошел весь ГУЛАГ его героический дедушка Карен. В кружке плавали опилки и небольшие бревна. Это был чай. Наверное. Ибо перед смертью пробовать яд мне не хотелось. Наверняка он был долгоиграющий. Я бы сначала изошла поносом, соплями и билась в корчах минимум пять часов.

В довесок к яду мне принесли овсяное печенье. Одно. Явно сворованное волосатой рукой Роберта из клетки с попугаем.

Потому что на этом продукте питания отчетливо виднелись следы птичьего клюва.

Паника потихоньку отпустила меня. Раз поят чаем с печеньем, значит, уважают и убивать прямо сейчас не будут. Возможно, я даже отделаюсь непринужденным облизыванием бородавки.

Черт его знает, что меня дернуло встать в полный рост. Жопа затекла или еще что... Но я зачем-то поднялась.

Вероятно, Роберт истолковал это по-своему и испугался, что мне не понравилось угощение или его член. И очень подозрительно затрясся.

На этом месте я почувствовала настоятельную потребность надолго оккупировать туалет, а Роберт рухнул на колени и принялся грызть зубами пряжку моего ремня, бормоча:

– Принцесса моя! Я тебя люблю! Я искал тебя, я ждал тебя! Стань моею!

Мои внутренности затряслись как бараний холодец, и, чтобы скрыть свою панику, я опустила глаза вниз, где в поле моего зрения тут же попали две желтые пятки, торчащие из рваных разноцветных носков.

Это меня скорее всего и спасло. Очнувшись от гипноза, я рванула прочь из каморки, по инерции схватив СПИД-инфо-пароль, и безошибочно пролетела по лабиринту коридоров к входной двери.

Сзади топал по линолеуму желтыми копытами армянский Бандерос, вопя:

– Оставь хоть газету! Я ее еще не читал!

Я кинула ему газету, как кидают кость преследующей тебя собаке, отвлекая ее внимание, вылетела на лестницу, скатилась по ней кубарем и понеслась, не разбирая дороги, черпая уличную жижу своими полусапожками и крестясь на ходу.

Я бежала домой.

И давала себе страшную клятву, что это мое первое и последнее свидание с виртуальными персонажами. Что завтра с утра я поеду на собеседование и устроюсь на работу в первое же место, куда меня возьмут. А прежде непременно схожу в церковь и поставлю большую свечку Николаю-угоднику.

О том, что благими намерениями устлана дорога в ад, я узнала гораздо позже.

Следующим утром я снова собиралась на собеседование.

Естественно, не зная куда. Мне же «менеджер все объяснит»!

Чтобы все прошло удачно, я встала с утра с правой ноги, с нее же сделала первый шаг с кровати, вляпалась (очень удачно, на мой взгляд) во что-то неприятное явно органического происхождения (это к прибыли) и вышла из душа в своих «счастливых» красных трусах.

– Наконец-то... – высказалась мама.

– Угу, – ответила я, не желая спугивать потенциальную удачу бытовой склокой, и вышла на улицу.

Выйдя на станции метро «Сокол», я долго ходила вдоль Ленинградского проспекта в поисках нужного мне здания.

Оно нашлось на территории какого-то завода и напоминало котельную, в которой был жестоко убит друг всех детей Фредди Крюгер. Мне стало не по себе.

Нет, я не рисовала в своем воображении небоскреб в сто этажей с зеркальными стеклами. Но котельная явно не являлась предметом моих мечтаний.

Однако выбор у меня был невелик. Проблема заработка стояла остро, как никогда.

Хмурый охранник с лицом серийного убийцы проверил мои документы и повел по тускло освещенным коридорам неизвестно куда. Мы дошли до неприметной двери, и он тут же испарился.

Я глубоко вздохнула и толкнула створку.

За ней обнаружился еще один коридор с тремя выходящими в него дверями. Я постучалась в первую попавшую.

В маленьком кабинете, заставленном какими-то картонными коробками, за письменным столом сидела женщина средних лет. Очень красивая. Но с каким-то тяжелым, по-мужски суровым взглядом.

– Вы на собеседование? По объявлению? – спросила она и вроде как дружелюбно улыбнулась. Однако дружелюбия в ее улыбке было еще меньше, чем во мне – гламура.

– Да, – ответила я и нацепила улыбку, которая говорила: «Вы такая приятная тетенька, что мне уже хочется работать на вас от зари до зари, но если тут надо торговать своим телом или пахать за восемьсот рублей в месяц, то, наверное, мы с вами не подружимся!»

Тетенька не зря показалась мне проницательной. Ее улыбка стала еще шире, а холеные длинные пальцы уже пододвигали мне анкету.

– Чистая формальность, – с улыбкой продолжила она и кончиком ногтя подтолкнула в мою сторону шариковую ручку.

Я начала заполнять анкету. Дойдя до графы «семейное положение», я запнулась и уточнила:

– А если я с мужем не живу, но официально все еще числюсь замужней, – это как назвать?

Женщина снова пристально на меня посмотрела. Выдержала паузу. И ответила:

– Пиши, что не замужем. А жениха мы тебе тут подберем.

Я непроизвольно вздрогнула. Но анкету заполнила до конца.

– О, да ты москвичка? – отчего-то удивилась бизнес-леди, заглянув в мою анкету, и посмотрела на меня взглядом, который я, как ни силилась, не смогла истолковать.

– А это плохо? – с вызовом спросила я.

– Это... Да нет, это нормально, – снова поставила меня в тупик тетенька-загадка. И тут же, без перехода представилась: – Меня зовут Ирина. Просто Ирина. Я – директор этой фирмы. Сразу предупреждаю: коллектив у нас большой, но состоит на девяносто процентов из молодых мужчин. Так что постарайся меня не разочаровать.

Разочаровать? Странные намеки.

В голове вихрем пролетела сотня разнообразных мыслей, и я поймала себя на том, что все это мне ужасно не нравится.

Схватить за хвост ни одну мысль так и не удалось. Потому что у меня за спиной распахнулась дверь, и в кабинет вошел молодой человек.

– Привет! – сказал он. Я не поняла, к кому из нас он обращается, но на всякий случай кивнула головой.

– Привет, Илья, – поздоровалась с ним Ирина и повернулась ко мне всем корпусом: – Вот, новенькая к нам пришла. – И она снова как-то многозначительно улыбнулась.

– Новенькая... – с интересом протянул Илья, бесцеремонно разглядывая меня. – Новенькая – это очень хорошо. Я ее к себе возьму, не возражаешь?

– Бери, – выставила перед собой ладони Ирина, мол, дело твое, я не против.

Я почувствовала себя негритяжкой на невольничьем рынке. Сейчас, по закону жанра, сюда должен был войти большой, потный, усатый мужик в сомбреро, который привяжет меня к столбу и выпорет плеткой, приговаривая: «Я тебя вышколю, сука такая!»

Куда меня снова занесло, мать моя женщина? Я же и трусы счастливые надела, и в дерьмо какое-то непонятное вляпалась, и встала с правой ноги... Да что ж у меня вечно все через...

– Пойдем со мной, – скомандовал Илья и вышел из кабинета.

Я посмотрела на Ирину.

– Иди за Илюшей, он тебе все расскажет. И покажет.

Чувствуя спиной пристальный взгляд директора, я поднялась со стула и вышла вслед за Ильей.

И снова оказалась в маленьком коридоре с еще двумя загадочными дверями. Не знаю, что за ними скрывалось, но определенно не кукольный театр – мечта Буратино.

– Вообще-то меня не Ильей зовут, – совершенно неожиданно признался молодой человек, – а Кямраном. По паспорту. Но почему-то мое настоящее имя тут не прижилось. Можешь называть меня как хочешь.

Я пристально смотрела на Кямрана-Илью. На вид ему было не больше двадцати лет. И, если честно, мне вообще никак не хотелось его называть.

– Так чем вы занимаетесь? – наконец задала я самый главный вопрос.

Илья приподнял брови.

– А тебе не объяснили?

На его лицо, словно забрало, опустилась маска важной снисходительности, и он начал краткий курс ликбеза:

– Понятие «сетевой маркетинг» тебе известно?

– Приблизительно.

– Так вот, наша компания занимается продажей очень хорошего лекарства. Я сам лично его принимаю. И тебе советую. «Лактофайбер» – это биологически активная пищевая добавка, состоящая из лактозы и яблочных волокон. Противопоказаний практически не имеет. Выпускается в форме порошка. Она не продается в магазинах, потому что нашей фирме это экономически выгодно – не нужно платить за аренду торговых точек, ведь торговля осуществляется по телефону. Ты, к примеру, какие чувства испытываешь к телефону?

Я удивилась.

– Очень трепетные. Я вообще уважаю технический прогресс, а Белл – это мой кумир. Но замуж за телефонный аппарат не пойду, и не просите.

Илья не оценил моего юмора.

– Многие новички на начальном этапе сталкиваются с такой проблемой, как боязнь телефона. Им трудно впар... сорри, продавать товар, не видя лицо потенциального поку-

пателя. А вести телефонный разговор – целое искусство. Схема продаж очень проста: мы раскидываем по почтовым ящикам рекламные листовки с кратким описанием «Лактофайбера», потенциальные покупатели звонят по многоканальному телефону и попадают на Веру Захаровну. Она принимает первичные звонки, говорит, что в данный момент все операторы заняты, и записывает номер телефона абонента. Твоя задача, получив от нее бумажку с номером, перезвонить клиенту и заставить его купить наш товар. Да, и еще: ты должна позиционировать себя как врач, поняла?

Я внимательно слушала Илью, но, услышав эти слова, даже поперхнулась.

– Какой я врач?! Я даже не в курсе, с какой стороны у человека печень находится!

– А это и не нужно, – отмахнулся Илья. – Достаточно просто сказать клиенту, что ты – врач и разговариваешь с ним из научно-исследовательского центра, а что и как говорить – я тебя научу. Пойдем, покажу, как мы работаем.

И он толкнул одну из дверей.

За ней обнаружилось неожиданно большое помещение, напоминающее больничный коридор. Вдоль стен, разделенные фанерными перегородками, стояли столы. Я насчитала шестнадцать штук. Почти за каждым сидел молодой человек и разговаривал по телефону. Никто не обратил на меня внимания. Я прислушалась.

– Что? Что вы говорите, Анна Витальевна? Соседи вас залили? А вы в ЖЭК обращались? Право слово, просто безобразие какое-то! – эмоционально вещал в телефонную трубку симпатичный юноша двадцати с небольшим лет, раскачиваясь на стуле и ковыряя в носу шариковой ручкой. – Я вот помню, у меня дочка младшая, когда десятый класс заканчивала...

Тут я скорчила рожу и пихнула Илью, вопросительно скосив глаза на «папашу» семнадцатилетней дочери, которая еще, оказывается, и младшая... Сколько же тогда старшей?

– Алмаз, – тихо шепнул мне Илья, – наш лучший менеджер. У него стоит поучиться. Это как раз то, о чем я тебе говорил: по телефону же не видно, сколько тебе лет, а к взрослым людям доверия больше, чем к молодым соплякам. Так что ты тоже должна строить из себя пятидесятилетнюю матрону, врача-диетолога, например.

Теперь до меня дошел смысл моей будущей работы. Что ж, отличная идея, нечего сказать.

Илья стоял рядом, не двигаясь, и мне не оставалось ничего другого, как слушать дальше.

Справа от меня рыженький подросток весело смеялся в трубку:

– Да я клянусь тебе, Михалыч! Стоять будет – о-го-го! Жену свою загоняешь, как вшивую по бане! Мне самому вот-вот семьдесят стукнет, а я скоро в пятый раз отцом стану! И девки молодые под окнами постоянно торчат – просто отбою нет! Короче, бери – не пожалеешь! Потом еще коньяк мне выкатаешь, старый чертяка. Ха-ха-ха!

Мои глаза раскрылись еще больше. Илья похлопал меня по плечу.

– И так тоже можно. У каждого менеджера свой стиль общения. Кто-то два часа выслушивает старушечьи жалобы на маленькую пенсию и котов, которые зассали весь подъезд, кто-то играет роль опытного врача-хирурга, кто-то располагает к себе панибратством... Вариантов уйма. В общем, начнешь – поймешь. Вопросы есть?

Я показала глазами на дверь. Илья кивнул, и мы вышли в коридор.

– Есть, – сказала я. – Во-первых, график.

– Без выходных.

– Не катит. – Я уже давно засекла взгляд Ильи, направленный на мою задницу, и поняла, что есть шанс этим воспользоваться: – У меня ребенок маленький.

– Понял, – огорчился Илья и добавил: – Что-нибудь придумаем. Выходные сделаем. Работать можешь или с восьми утра до четырех дня, или с четырех дня до одиннадцати вечера. Как тебе удобнее. Некоторые ребята у нас в две смены работают и ночуют тут же.

Мог бы и не объяснять. Судя по именам – Кямран, Алмаз – а также по довольно-таки различимому акценту менеджеров, почти все эти «доктора» – уроженцы государств бывшего Союза. Теперь понятно, почему Ирина удивилась, что я москвичка.

Ну, что ж, выбора у меня сейчас нет. Мне нужна работа. Любая. Маме ведь не объяснишь...

И я подвела итог:

– Завтра в восемь я приеду.

Илья обрадовался:

– А я и не сомневался! Язык у тебя подвешен хорошо. Значит, денег тут поднимешь нормально! Кстати, телефончик не оставишь?

Я обдала его волной презрения и поджала губы.

– Шутка! – заржал он. – Я его и так щас у Ирки из твоей анкеты перекаатаю!

На следующее утро я снова показала документы страшному охраннику, попетляла по многочисленным коридорам и вошла в офис.

Менеджеров там сидело немного. Видимо, в первую смену работать было удобно не всем, в том числе и виртуозу Алмазу. Зато рыженький подросток, который вчера в семьдесят лет в пятый раз готовился стать отцом, дружелюбно мне улыбнулся.

– Привет! Новенькая? Откуда?

– Из Москвы, – ответила я, вешая куртку на вешалку.

В помещении повисла тишина. Восемь пар глаз уставились на меня так, словно я заявила, что вчера прибыла из Парижа.

– Москвичка... – протянул рыженький. – А что ты тут забыла? Среди нас ни одного местного нет! Мы вот с братом с Запорожья, Кямыч вообще не говорит, откуда приперся. Кстати, ты его отшивай построже, он с Ириной живет. Вера Захаровна – с Башкирии...

Я слушала и удивлялась: надо же, Кямран живет с Ириной. Она же раза в два его старше! Хотя красивая тетка, ничего не скажешь.

– Ирка – баба хорошая, хоть и строгая, – добавил рыжий и понизил голос: – Но ревнивая очень. У нас тут, думаешь, почему девок нет? Кямыч всех перетрахал. Чуть ли не у Ирки на голове! К каждой новенькой клеится. Так что...

– Тебя как зовут-то? – перебила я не в меру общительного подростка.

– Пашка, – как-то испуганно признался он. – А еще тут мой брат старший работает. Он – бригадир.

– Бригадир чего?

– Ну... Бригады!

Я почему-то почувствовала к рыжему Пашке симпатию. Какой-то он был... Настоящий, что ли. Простой.

– То есть, твой брат – бригадир смены? – улыбнулась я.

– Да нет, – широко улыбнулся в ответ рыжий, – у нас тут две бригады. Первой руководит Кямыч, сама понимаешь, – тут Пашка заговорщически мне подмигнул, – а второй – мой брательник Леха, – с гордостью закончил он.

Я с интересом смотрела на него и молчала. Он смутился и затараторил с умильным украинским акцентом:

– Понимаешь, бригады между собой соревнуются – кто больше товара продаст. Видишь на стене доски?

Я оглянулась. Позади меня, по обе стороны от дверного проема, висели на стене две магнитные доски, на которых было написано маркером: «Кямран: 5 заказов» и «Алексей: 6 заказов».

– Ну вот, – продолжал просвещать меня Пашка, – бригада моего брата сейчас выигрывает. Им премию дадут, если Кямрыч их не переплюнет. Теперь смотри: разговор с клиентом должен занимать не менее сорока минут. Это обязательно. Если клиент даст отбой раньше, тебя оштрафуют. Можно хоть два часа болтать. Но сорок минут – это минимум. Идем дальше. Время разговора разбивай на проценты. То есть, вначале ты должна поговорить с клиентом о его здоровье, ты же врач все-таки. Ну, спроси у него про давление, температуру, можешь про стул спросить, – тут Пашка хихикнул, – многих бабок хлебом не корми, дай только про свое говно рассказать! Так вот, о здоровье ты с клиентом говоришь около сорока процентов времени. Еще сорок – о семье. Это тоже обязательно. Ну, там, о детях, о собаках, о чем угодно.

Ну и двадцать процентов – конкретно про товар. Я тебе листовку щас дам, ага?

– Ага, – ответила я и попыталась разложить по полочкам полученную инфу. Ни фиги не получилось. Надо все записывать. А то башка лопнет.

Пока Пашка искал в своем столе листовку, я еще раз оглянулась по сторонам и поежилась. Какая-то гнусная энергетика была в этом помещении, словно я попала в барак к неграм времен дяди Тома. Как-то тоскливо здесь было. И пахло противно. Сыростью и плесенью. А мне предстояло тут работать.

Вернулся Пашка, сжимая в руке потрепанную бумажку:

– Держи, тут все написано!

– Спасибо.

Я взяла листовку, пробежала глазами текст. Так... «Лактофайбер – биологически активная добавка... Волокна яблок... Лактоза... Стимулирует работу кишечника... Способствует естественному похуданию... Атеросклеротические бляшки рассасываются... Протестирован в госпитале им. Бурденко...» Так это же просто натуральное слабительное!

– Пашк, – позвала я, – а сколько стоит эта дрянь?

– Четыре с половиной тысячи рублей.

Я даже поперхнулась.

– Сколько?! И берут?!

Пашка кивнул в сторону досок:

– Как видишь.

Хлопнула входная дверь. Мы оглянулись.

– Ксюша, рад тебя видеть! – расплылся улыбкой чеширского кота Кямран. – Тебе не холодно? Может, свитер одолжить?

Я поймала Пашкин взгляд и решительно отказалась. Кямран усмехнулся, но ничего не ответил.

Через полчаса в офисе уже вовсю кипела работа.

Пожилая Вера Захаровна каждую минуту поднимала трубку и монотонно произносила:

– К сожалению, в данный момент все врачи заняты. Оставьте свой номер телефона, и вам непременно перезвонят.

Немногочисленные менеджеры по очереди подходили к старушке, брали у нее бумажку с номером телефона и уходили к себе за перегородку, откуда через минуту доносилось:

– Здравствуйте, Зинаида Федоровна! Вас беспокоит врач. Да-да, по поводу «Лактофайбера». Вы мерили сегодня температуру? А давление? А какие лекарства принимали? Да что вы все о цене беспокоитесь? Может, он вам и не нужен совсем! Мне надо знать всё о вас и состоянии вашего организма!

Чума...

Я так не смогу. Не получится у меня!

Я смогла.

И через три дня уже несла в трубку:

– Семен Геннадьевич, миленький вы мой, да за ваши заслуги мы вам этот «Лактофайбер» должны просто бесплатно подарить! Конечно, я не могу этого сделать, ведь он очень дорогой. Восемь тысяч рублей. Что вы, что вы, не пугайтесь! Я вам скидку сейчас сделаю. Очень неприятно, конечно, что мне, медику, приходится заниматься коммерцией. Но это, поверьте, не моя вина, да. Вы ветеран? Значит, десять процентов скидываем! Вам больше шестидесяти лет? Еще десять скинем. Ну, и лично от меня, пока никто из руководства не слышит, – еще скидочка. Итого: всего четыре с половиной тысячи! Видите, все не так страшно! А я буду лично курировать вас по телефону и наблюдать за вашим самочувствием.

Есть! У меня получилось! Я начала зарабатывать деньги. Какие-никакие, они меня сейчас очень выручали.

Ирина порой лично заходила к нам в комнату и стояла у меня за спиной, одобрительно кивая.

– Все, Галина Петровна, наш курьер будет у вас через полчаса. Всего вам наилучшего! – Я положила трубку, закрыла глаза и откинулась на спинку стула. – Кямыч, запиши еще один заказ.

Кямран заскрипел за моей спиной маркером по доске, потом подошел и положил руки на мои плечи.

– Молодец, девочка... – вкрадчиво шепнул он, массируя мне шею. – Устала? Покурим? Или в буфет сходим?

– Угу, – кивнула я, – сейчас. Пять минуток посижу только.

– Отдыхай, отдыхай... – как сквозь вату пробился голос Кямыча, и мне на плечи что-то опустилось.

Я открыла глаза: свитер.

Улыбнулась, закуталась в него и обернулась назад, высматривая Пашку. Он тоже качался на стуле, глаза по сторонам.

Я кивнула ему в сторону двери и встала. Мой рыжий друг вышел следом за мной.

– Как ты? – заботливо спросил Пашка на лестнице.

– Честно? Выматывает сильно.

– Правильно. Ты же энергию свою отдаешь. Вот тебя и тарашит.

– А ты привык?

– Привык. Знала бы ты, Ксюха, чем мы с Лехой раньше занимались... «Лактофайбер» – это еще фигня.

– А вы только его продаете?

– Не-а. Пояса еще недавно впаривали. Из собачьей шерсти. «Золотой конек» для импотентов... Ты б слышала, как Кямыч его продавал! – Пашка залился смехом. – «Иван Иванович, я сам пять лет карандаш к члену привязывал, а тут прям можно таз чугунный на него вешать – не свалится!»

На лестницу вышел Валька, курьер. Стрельнул у Пашки сигарету и с грустью сказал:

– Хорошо вам. Сидите тут себе и впариваете дерьмо.

– Ты что, Валек? – хлопнул его по плечу Пашка. Ты ж на зарплате сидишь. А мы с Ксенофонтом – на процентах. Не продадим ничего – и до свиданья. Остались без бабок. Чем ты недоволен?

Валентин глубоко затянулся, с отвращением бросил сигарету на пол и раздавил ее ногой:

– Не могу я тут больше! Вы по телефону разговариваете, а я потом вашим Иван Ивановичам фуфло это привожу, которое три копейки стоит. Сам видел в аптеке, что в Центральном «Детском мире», двести рублей! А я в дверь звоню, и мне открывает бабушка, у которого половины органов уж нет и трубка прямо из живота свисает, а к ней банка привязана... – У него перехватило дыхание, и он замолчал.

И мы тоже молчали.

Курьер, не спрашивая разрешения, достал из моей пачки новую сигарету, прикурил и продолжил:

– Смотрит на меня, глаза у него слезятся, и говорит: «Вот, сыночек, возьми денежку. Тут аккурат четыре с половиной тысячи рубликов. С книжки снял, на похороны копил. А теперь какие мне похороны с вашим-то чудо-лекарством? Мы еще проживем!» А я стою, пересчитываю деньги и думаю: жить тебе, дедуль, пару дней осталось. И оттого что тебя пронесет с этого «Лактофайбера» перед смертью, легче никому не станет. Лучше б ты себе фруктов купил да вкусенького чего-нибудь. Эх, твою мать...

Валентин замолчал, и мне стало не по себе. Такой скотиной себя почувствовала! Смотрю на Пашку – тоже стоит, глаза в пол опустив. Потом говорит:

– Валь, всех жалеть – жалелки не хватит. Вот меня кто-нибудь пожалел, когда нас с Лехой сначала родная мать в детский дом сдала, а потом вообще продали? В прямом смысле. Мы какому-то мужику дом строили. Бесплатно. Жрали то, что сами найдем. А мне тогда тринадцать лет было. А Ксеньку кто-нибудь жалеет? У нее дома ребенок маленький, его кормить-поить надо. Да таких, как она, должны на руках носить, любить и беречь... – Я удивленно приподняла брови, но Пашка на меня даже не смотрел. – А она тут вот стоит в свитере Кямрановом и думает, как бы еще парочку «Лактофайберов» толкнуть, чтоб сыну фруктов сегодня купить! Кто нас-то пожалеет, а, Валек? Ты о себе подумай, братишка. У тебя тоже дома мама-инвалид...

– Прекрати! – истерично взвизгнул Валентин. – Не лезь не в свое дело! Я куда угодно курьером могу пойти работать, ясно? Могу... вон документы развозить! Или канцелярию какую! И мне не обязательно стариков обманывать!

Пашка сел на корточки и, глядя снизу вверх, тихо спросил:

– У тебя регистрация московская есть? А у мамы твоей? А у сестры? Вот и у меня нет. Потому мы все тут и работаем. Ирке плевать на регистрацию. Она своих всегда отмажет, сам знаешь. Так что никуда ты отсюда не денешься. А нервишки побереги, брат. Они тебе еще пригодятся.

Пашка встал и направился в сторону офиса, бросив мне через плечо:

– Ксюх, я чай пить. Идешь?

Я посмотрела на скрючившегося в углу Валентина и пошла за Пашкой в буфет.

Пить чай.

Фарш невозможно повернуть назад

– Паш, ты чего? – спросила я, глядя, как он медленно размешивает в кружке с чаем давно растаявший рафинад.

– Ты о чем? – Он не смотрел на меня.

– Сам знаешь.

Чайная ложечка звонко стучала о края чашки.

– А что, я не прав? Ты себя в зеркало видела, дурочка? Ты даже не представляешь, какой ты теплый и хороший человек. Не место тебе тут, за этим облезлым телефоном. Ты – королева. Которая почему-то в это не верит.

Я засмеялась и провела пальцами по Пашкиной щеке.

– Я – мать. В первую очередь. И пока не поставлю на ноги Андрюшку, хотя в данный момент вообще не представляю, как это сделать, – буду и у облезлого телефона сидеть, и где угодно. А вот потом, может, и почувствую себя королевой.

– Ксеньк, – Пашка вдруг посмотрел мне прямо в глаза, – ты по мелочам только себя не разменивай. Не нужны тебе всякие Кямычи и прочее отребье! Ты...

И замолчал. А я протянула ему квадратик шоколадки и сказала:

– Мне никто не нужен. У меня сын есть. Я его люблю. Очень. Настолько, что на прочих разных ничего не остается. А Кямыч мне и подавно не уперся. Веришь?

И улыбнулась.

– Тогда зачем ты у него свитер взяла? – тихо, как-то совсем по-детски спросил Пашка.

– Свитер?! – расхохоталась я. – Ты расстроился из-за свитера?! Паша, ты прелесть...

Он мне сам его дал. Вернее...

Я не успела договорить. Сзади раздался голос Ирины:

– Какой знакомый свитерок. Тебе идет, Ксения.

Я медленно обернулась. Ирина смотрела на меня в упор. Как змея. Не мигая.

И я тоже посмотрела ей в глаза. С вызовом. Потому что никакой вины за собой не чувствовала. А в том, что меня обвиняют, не сомневалась.

«Ах ты сука...»

«А ты за своим добром смотри лучше!»

«Думаешь, сможешь быть моей соперницей? Не смей!»

«Тебе? Соперницей? В чем?»

«Это мое!»

«Вы друг друга стоите!»

«Знаешь, сколько я таких, как ты, тут перевидала?»

«А мне по барабану. Я – не все!»

«Я тебя предупреждала...»

«Старая истеричка с ранним климаксом!»

«Я думала, ты умнее...»

«А я думала, ты головой думаешь, а не...»

Нитка, натянутая как струна, оборвалась.

Ирина моргнула.

«Стареешь, тетя, стареешь».

– А вам работать не пора? – спросила начальница, прищурившись.

– Уже идем! – улыбнулся ей Пашка.

И я с удивлением заметила, что от уголков Ирининых глаз вдруг разбежались лучики-морщинки. Абсолютно искренние. И стало понятно, что она – очень одинокая и очень несчастная.

– Иди, Павлик, тебя Алеша уже обыскался.

На меня она даже не взглянула. Только глаза ее снова стали черными и чужими. Эта метаморфоза меня удивила.

– Пашкин, а у тебя с Ирккой что? – спросила я, надеюсь, что ошибаюсь.

– Дурочка, – обнял меня рыжий и подтолкнул к выходу. – Ирка мне как мать. Я тебе потом расскажу. Ты на нее не обижайся. Баба она хорошая. Одна, без мужа, двоих детей подняла. В Москву приехала – уличные туалеты мыла. А теперь под ней половина сетевых торговых точек города, вот так... У нее, кроме детей и Кямрана, никого нет. Ты прости ее. Баба – она баба и есть. А Кямычу свитер отдай и рожу кирпичом сделай, поняла?

– Поняла.

Что ж тут непонятного?

Еще через три дня, когда я с фальшивым интересом слушала, как потенциальная клиентка Юлия Матвеевна живописно описывает ощущения, которые причиняет ей запор, в офис вошел субтильный блондин с прической, как у Ди Каприо в роли Джека из «Титаника».

Я скользнула по нему взглядом и продолжила разговор.

А когда через час обернулась, блондин все еще сидел в офисе и о чем-то болтал с Кямраном. Я поймала на себе его взгляд и отклонилась на стуле назад – посмотреть, чем занят Пашка.

Мой рыжий друг мрачно ковырялся в носу, и я поняла, что он не в настроении.

Подняла телефонную трубку, набрала Пашкин номер.

В его секции раздался звонок, и он сурово ответил:

– Павел Сергеевич слушает.

Я хихикнула и шепотом спросила:

– Слушай, Павел Сергеевич, а кто это с Кямычем сидит?

– А, этот... Это Женька, Иркин сын. Иногда заходит мать навестить. Тут он вроде как замом ее числится, зарплату получает, но по факту дома сидит. Говорят, у него проблемы с наркотой.

– У... Ишь ты... А с виду и не скажешь. Ладно, спасибо. Отбой.

Смешно, ей-богу! Сын и сожитель – ровесники. Представляю, что сказал бы мне мой Андрюшка, если б я в сорок два года вдруг притащила домой его сверстника и сказала:

– Знакомься, сын, это Вася. Он будет жить с нами. Можешь называть его папой.

Мама Стифлера, блин!

Я ухмыльнулась и направилась в сторону выхода – выкурить сигарету и выпить в буфете чашку кофе. Блондин торопливо попрощался с Кямычем и направился за мной.

Я, не оглядываясь, дошла до буфета, подошла к стойке и сказала:

– Один эспрессо, пожалуйста.

– Два. Двойных, – раздался сзади голос.

Оборачиваться я не стала.

– Сто двадцать, – отрывисто бросила буфетчица, и на стойку быстро легла пятисотрублевая купюра, которая тут же исчезла в ее цепких пальцах.

– Меценатствуешь, Евгений? – не оборачиваясь, спросила я.

– Просто угощаю, Ксюша, – с нажимом на мое имя ответил сын начальницы.

Я отошла от стойки к столику. Женя сел напротив. Серые глаза смотрели на меня изучающе.

– Ну и как тебе тут?

– Нормально.

– Нравится?

– Безумно. Всю жизнь мечтала впаривать лохам «Лактофайбер».

– Другого ответа и не ожидал. Ты ведь москвичка?

– Послушай, что ты ко мне привязался? – не выдержала я. – Не хватало Кямрана, теперь еще ты!

Женя улыбнулся одними губами, с холодным интересом скользя по мне глазами. На мой взгляд, слишком бесцеремонно.

Почему-то расхотелось пить кофе. Я поставила чашку на стол, наклонилась к Женькиному лицу и прошипела:

– Рост – метр шестьдесят пять, грудь – второй размер, объем бедер – девяносто четыре сантиметра, татуировка на моем плече означает: «Все мужики – козлы!» по-китайски, волосы на ногах и под мышками отсутствуют, а на рот даже не смотри! Я облегчила тебе задачу? Тогда до свиданья!

И я быстрым шагом отправилась на третий этаж курить.

Так и знала, что встречу там Пашку. При виде меня он заулыбался во весь рот и запел:

– Одна на всех, мы за ценой не постоим!

– Отвали! – рявкнула я, и улыбка сползла с его лица.

– Ксюх, ты что?

– Ничего. Ты вот мне только объясни: у меня что, на лбу написано: «Я – одинокая баба, и меня некому отыметь»? Да? Так какого хрена они все... Кямич... Женя этот, блин... – Тут я не выдержала и пустила слезу.

Пашка прижал меня к себе и погладил по голове.

– Ну, тихо, тихо, маленькая... Тихо... Наплюй.

– Наплюй?! – Я подняла лицо от Пашкиного плеча и посмотрела ему в глаза. – Наплюй, да? На тебя не смотрят, как на мясо! Как на дырку какую-то! На тебя не смотрят так, будто на тебе ценник висит!

– Ксень, успокойся. Прими это как данность. Ну вот почему, например, никто так на нашу Веру Захаровну не смотрит? Потому что она похожа на самку Кинг-Конга. А ты у нас – красавица и королева! Как им еще на тебя смотреть?

Я шмыгнула носом и засмеялась.

– Не трогай Захаровну. Знаешь, что такое женская солидарность?

– Не буду, не буду. Успокоилась? Вот и умничка. Пойдем, поработаем еще часок – и я тебя до метро провожу. Дальше, извини, не могу. У меня регистрации нет.

Я вышла в своем Отрадном и направилась к дому. Настроение было поганое. Мало того, что сегодня ни одного заказа не выгорело, так еще и Женя этот. Почему-то в тот момент я ненавидела его так, словно именно он был причиной всех моих проблем.

Домой идти отчаянно не хотелось.

Там меня ждал сын.

Который непременно спросит: «Мам, а что ты мне принесла?»

А я отвечу: «Сегодня – ничего», а потом прижму его к себе и зареву, как дура.

Мне стало очень жаль себя.

Я глубоко вдохнула, расправила плечи и взялась за ручку подъездной двери.

– Ксюша?

Вздрыгнула и обернулась.

За моей спиной стоял Женя и протягивал букет роз.

– Извини. Я вел себя бестактно. Могу я как-то исправить свою оплошность?

Я машинально взяла цветы и спросила:

– Ты что тут делаешь?

Он пожал плечами.

– Тебя жду. Адрес твой в анкете посмотрел. Боялся, что не успею приехать раньше тебя.

– Ну, извиняйся тогда.

Женька склонил голову набок.

– Подари мне этот вечер. Только один. Прощение надо заслужить делом, а не словами. Согласна?

Я вспомнила сына. Его мордашку. Его пухлые ручонки. Которые сейчас будут гладить меня по щекам. Голосок, который через минуту спросит про подарок, которого у меня нет. И ответила:

– Хорошо. Один вечер. И все.

Может, не будь я тогда такой расстроенной и уставшей, вернула бы ему цветы и пошла домой.

А утром как ни в чем не бывало снова отправилась бы продавать ненавистный «Лактофайбер» и курить с Пашкой на лестнице.

Но фарш невозможно повернуть назад...

Почти три недели мы с Женькой скрывали от окружающих наше близкое знакомство. Как мне казалось, очень удачно скрывали. Пашке-Рыжику так не казалось, но он, разумеется, молчал. И похоже, дулся на меня.

Я приходила на работу, выполняла свои обязанности, а в тех редких случаях, когда Женька заходил к нам в барак, подчеркнуто не обращала на него внимания. Но оказалось, что конспиратор из меня хреновый...

– Ксения, зайди к Ирине. Она сейчас звонила... – испуганно сказала Вера Захаровна, опустив на рычаг телефонную трубку.

Я встала, прилепила над своим столом стикер с номером телефона очередного страждущего исцеления клиента и по пути заглянула в Пашкин отсек. Он меня не видел, потому что снова изображал старого импотента, который волшебным образом превратился в пахаря-трахаря.

Что ж, придется идти, не спросив дружеского совета.

Я вышла в коридор и постучала в соседнюю дверь:

– Можно?

– Входи.

Ирина сидела за столом, который на этот раз не был завален бумагами. И коробки отсутствовали.

– Я тебя предупреждала? – тихо, с нескрываемой яростью спросила начальница.

– О чем? – Я решила потянуть время, хотя уже знала, что мне сейчас скажут.

– Я просила тебя не разочаровывать меня! – Ирина повысила голос. И допустила большую ошибку. Терпеть не могу повышенный тон.

– На полтона ниже! – процедила я сквозь зубы, понимая, что сейчас мне тоже придется поорать.

– А ты мне тут не вякай, соска трехрублевая! Я тебя предупреждала, что ты сюда работать пришла, а не рожей торговать! На Кямрана я еще глаза закрывала, но мой сын... Шваль подзаборная!

– Валерьянки выпей, старая истеричка. У тебя климакс. К участковому гинекологу пора на учет вставать, а ты все морщинами своими трясешь над малолетками! Глаза разуй, дура. Кому ты нужна, банан сушеный? Лимитчика какого-то из обезьянника вытащила за пятихатку, отмыла, на работу устроила – вот он тебе жопу и лижет.

Ирину перекосило:

– Мой сын таких, как ты, три вагона перетрахал! И ты ко мне в родню не набивайся! Я вас, сук предприимчивых, за километр вижу! Учти, ни ты, ни твой ублюдок в мою семью никогда не войдут!

И вот тут меня словно дернули за кольцо. Я подлетела к начальнице вплотную и выплюнула в ее искаженное злобой лицо:

– Я своего сына от законного и любимого мужа родила, а не от дворника-алкаша, которому ты давала за московскую прописку! И завали свой ковш, пока я тебе зубной протез не сломала. Женя твой меня не трахает. Это я его трахаю. И буду трахать. Пока мне не надоест. Попробуй запрети ему со мной общаться. Ну? Сказать, куда он тебя пошлет, мамаша хренова?!

– Сука! – завизжала Ирина.

Я сделала шаг назад, заправила за ухо выбившуюся прядь волос и, широко улыбаясь, показала бывшей начальнице средний палец.

В том, что я тут больше не работаю, можно было не сомневаться.

– Чтобы в пять минут собрала свои шмотки и выкатилась отсюда! – крикнула мне вслед Ирина, но я уже закрыла за собой дверь.

В коридоре, что было совершенно предсказуемо, я наткнулась на Женьку.

– Орала?

– Ну, да. Было малость.

– Выгнала?

– Само собой. Сейчас пойду рыдать.

– Иди в офис, я к ней зайду.

И он вошел к матери в кабинет.

А я осталась греть уши под дверью.

– Я тебе кислород перекрою! – доносился до меня Иркин голос. – Тебя даже дворником никуда не возьмут, понял! На что ты жить будешь, а? На какие шиши свою марамошку по ресторанам водить? Что, опять строил из себя наследного принца? А может, тебе напомнить, что ты один раз уже поиграл в хозяина Медной горы и у тебя есть дочь семи месяцев?!

– Да подавись ты своими бабками! Я с ней жить хочу! Я тебе ни слова не сказал, когда ты этого полугрузина-полуобезьяну домой притащила! «Знакомься, Женечка, это мой гражданский муж!» Вот и ты заткнись!

Про Женькину дочь я знаю. С ее матерью он не живет, но деньгами поддерживает. А вот Иркины обещания перекрыть сыну кислород мне совсем не улыбаются. Я с сегодняшнего дня безработная. Мало того, что мне теперь мама плешь проест, что надо работу снова искать, так еще и Женьку на горбу своем тащить?! Какого рожна, интересно? Секс – еще не повод, чтоб мужика кормить. Да и кормить-то его, откровенно говоря, не за что. Так, максимум «Доширак» заслужил.

– Ну и вали к своей шалаве! – снова донеслось из кабинета.

– Да пошла ты...

Женька пулей вылетел оттуда, вытер мокрый, вспотевший лоб.

– Ты вещи собрала?

– Нет еще.

– Так не стой столбом! Щас уезжаем отсюда.

– Куда? – поинтересовалась я. – И знаешь, что: еще раз в подобном тоне мне что-то скажешь – пойдешь туда, куда тебя еще никто не посылал, понял?

Он сделал глубокий вдох, тяжело выдохнул:

– К тебе. Извини, я на нервах.

– Я тоже. А почему ко мне?

Женька опустил голову и тихо сказал:

– Потому что мне теперь жить негде...

Приехали. А все мое воспитание виновато. Меня учили жалеть бездомных, сирых и убогих, запрещали смеяться над алкашами и даунами и разрешали держать в картонной

коробке возле двери больных голубей. И сейчас оно мне здорово подкузьмило, воспитание мое.

– Ладно, жди меня тут.

Я вошла в офис и встала в дверях. Шестнадцать пар глаз уставились на меня, и в ту же секунду секунд из секций донеслось:

– Извините, Марфа Даниловна... Простите, Ефим Иванович... Прошу прощения, Зинаида Яковлевна... К нам тут главврач зашел... Одну секунду...

Потом повисла гробовая тишина. Даже Вера Захаровна сняла телефонную трубку и положила ее на стол.

Я молчала, сражаясь с подступающими слезами. За две недели я привязалась ко всем. Особенно к Пашке.

Проглотив горький ком, я изобразила улыбку.

– Ну что, давайте прощаться?

Народ загудел.

– За что?!

– Ксюх, ты не горячись, успокойся!

– Не расстраивайся, ты ж москвичка!

– Это беспредел!

– Бабские разборки устроили...

Пашкин голос перекрыл весь этот гул:

– Никуда ты не уйдешь! Я сам сейчас к Ирке пойду! Она не может! Она же знает!..

Я поймала его за рукав и крепко к нему прижалась.

– Не надо, Пашк... Я сама тут больше не останусь. Ты знаешь мой телефон, мы друг друга не потеряем. Регистрацию сделаешь – в гости приедешь. Не ходи к Ирине, не надо. Попадешь под горячую руку, а я потом себя винить буду. Мне и так тяжело, поверь. Я к тебе приросла, Рыжик...

Не врала ни капли, не преувеличивала. В мире живут миллиарды людей, и лишь малая их часть – настоящие. И таких видно сразу. Ты их чуешь безошибочно и привязываешься к ним на всю жизнь. А спроси тебя: за что? Почему ты прилип к этому человеку? И растеряешься... Ведь и вправду – почему? А просто так. За то, что понимают тебя без слов. За то, что приходят на помощь, даже если их об этом не просишь. Редкие, драгоценные люди. И ты их любишь. Не отдавая себе отчета – за что...

Я ревела. В голос, не стесняясь. Потому что завтра все будет по-другому. Я не приду сюда в восемь утра и не поцелую эту рыжую макушку. А вернувшись после работы домой, не найду у себя в капюшоне шоколадку. А самое главное – я это понимала – теперь я стану более уязвимой. Потому что рядом не будет настоящего, сильного человека, способного сделать мою жизнь легче и радостнее.

– Ксюшкин, я тебе звонить буду! Каждый день! И по ночам, когда в офисе никого нет. Береги себя, солнышко, малого своего береги, и... – Тут Пашка запнулся. – И с Женькой не связывайся, ради бога. Говно он, малыш. Хотя... я могу и ошибаться. В любом случае, желаю тебе всего самого хорошего.

Я в последний раз поцеловала друга в щеку и ушла не оглядываясь.

Навсегда.

Аллергия

Моя лучшая подруга Лелька Скворцова выходила замуж. По привычке, вероятно. Ибо во второй раз. И снова зимой. Наверное, тоже по привычке.

На сей раз за красивого молдавского партизана Толясика Мунтяну, которого Лелька почему-то нежно величала Бумбастиком. Толик был романтичен и куртуазен. У него не было московской прописки, но имелась увесистая мошна, туго набитая в результате разного рода предприятий, в детали которых Лелька не вникала.

Я была на Лелиной свадьбе свидетельницей и поэтому старалась не напиваться. Народ жаждал шуток-прибауток и веселых песнопений, коими я славна, и получал их регулярно, с промежутком в пять минут.

Праздновали скромно, в домашнем кругу.

Мужиков приличных не было, я грустила. И потихоньку подливала себе зелена вина. В надежде убедить себя, что брат жениха со странным именем Марчел, несмотря на три прыща на подбородке и отсутствие передних зубов, очень даже сексуален.

Мне мечталось, что именно на этой, второй Лелькиной свадьбе я найду себе приличного, тихого, ласкового молдаванина, который подарит мне такую же шубу, как у Лельки, и не будет спрашивать, куда подевалась штука баксов из его кошелька рано утром.

Но молдаван на свадьбе, за исключением Марчела, не было.

Как и вообще мужиков. Не считать же мужиками Лелькиного отчима Алексеича, который упился еще в ЗАГСе и был благополучно забыт в машине, и помятого тамаду дядю Митю, по совместительству являвшегося Лелькиным соседом?

А я-то, дура, в такой холод вырядилась в узкое платьице с роскошным декольте, демонстрируя свои совершенно не роскошные груди, еще более не роскошную жопу и квадратные колени. Между прочим, мою гордость. Единственную.

И в таком виде ехала больше часа на электричке в Зеленоград, околевав уже на десятой минуте поездки. Из электрички я вышла неуверенной походкой и с изморосью под носом. Гламура мне это не добавило, а вот желания выжить – очень даже.

Торжественная часть прошла как всегда: Лелька жевала «Дирол» и надувала пузыри в момент судьбоносных вопросов: «Согласны ли вы, Ольга Валерьевна...», жених нервничал и невпопад смеялся, будущая свекровь вытирала слезы оберткой от букета, а я ритмично дергала квадратной коленкой, потому что в электричке успела заработать цистит, и теперь мне ужасно хотелось в туалет.

Дома, понятное дело, было лучше: стол ломился от национальных молдавских блюд и прочих мамалыг, а тамада дядя Митя сиял как таз и сыпал какими-то расистскими анекдотами.

В результате молдавская родня долго терпела, а потом просто тупо побила его в прихожей. В общем, было значительно веселее, чем в ЗАГСе.

Через три часа свадебные страсти достигли накала.

Лелькина новоиспеченная свекровь ударилась в воспоминания и принялась пытаться невестку на предмет ее образования.

Молодая жена жевала укроп и меланхолично отвечала, что образование у нее уличное, а замуж она вышла исключительно из меркантильных соображений, потому что на улице зима, а мудака Толясик подарил ей шубу и опрометчиво пообещал бриллиантовое кольцо.

Свекровь разгневалась и потребовала, чтобы сын немедленно развелся, но ему нужна была московская прописка. К тому же он спал. И трогательно причмокивал во сне.

Помятый тамада дядя Митя коварно подбирался к моему декольте, пытаясь усыпить мою бдительность вопросами: «Милая, а вы помните формулу фосфорной кислоты?»

«Барышня, а вы говорите по-английски?» и «Хотите, расскажу анекдот про поручика Ржевского? Право, уморительный!»

Формулу фосфорной кислоты я не знала, даже когда училась в школе, потому что прогуливала уроки химии, английским на уровне «Фак ю» владею в совершенстве, а анекдоты про поручика Ржевского вызывают у меня приступы депрессии.

Поэтому я ничего не отвечала, и мы с дядей Митей грустно налегали на многочисленные национальные блюда. Понятия не имею, как они называются, но особенно меня порадовал чернослив, начиненный сгущенкой с орехами. Его имелось аж три здоровенных блюда, и я активно сей недеетический продукт истребляла, не печалась о фигуре. Тамада тоже не отставал.

Я ела чернослив и пьянела от его вкуса настолько, что даже беззубый молдавский мачо Марчел скоро стал казаться мне весьма интересным юношей, и я криво подмигивала ему, пытаюсь под столом дотянуться до его промежности ногой, дабы изысканно потыкать ему туфлей в яйца.

Уж не знаю, до чьих яиц я дотянулась, но Марчел резво выскочил из-за свадебного стола и устремился в сторону туалета, прикрывая ладошкой рот.

Я пожалала плечами и подложила себе чернослива.

Леля, которая устала слушать нравоучения новой свекрови, подошла ко мне.

– Жрешь, жаба! – вежливо пожелала она мне приятного аппетита.

– Жру, молдавская бабища, – ответила я и сунула в рот еще одну черносливину.

– А понос тебя не проберет? – осведомилась Леля, окидывая взглядом два пустых блюда, стоящих передо мной.

– А тебе жалко, что ли?

– Не-а. Поносъ на здоровье. Только учти: туалет плотно оккупирован младшим братом Кличко, ага.

Я прислушалась к своим внутренним ощущениям и не почувствовала никакого подвоха, но чернослив на всякий случай отодвинула подальше. Береженого, как говорится, бог бережет.

– Пойдем, покурим, что ли? – без энтузиазма предложила Лелька, тыкая острым носком туфли в старого кота Мудвина, который лежал под столом кверху брюхом, обожравшись ворованной колбасой.

Накинув на плечи шубы, мы вышли на лестничную клетку и задымили.

– Ты мне скажи: что там у тебя, с Женькой-то, получилось? – спросила Лелька.

– Ты про какого Женьку? – прикинулась шлангом я. Разговаривать о Женьке не хотелось.

– Сама знаешь, про какого! – фыркнула подруга.

– А ничего хорошего. Прожили мы с ним вместе две недели. Я работу себе новую нашла. Правда, три копейки платят, зато рядом с домом, и отпускают домой пораньше, когда Андрюшку из яслей забрать надо. Ну вот, Ксюша, значит, работает, а Женька дома сидит. Или на весь день куда-то сваливает. Мать моя, сама понимаешь, не в восторге. Каждый день требует, чтоб я или квартиру сняла, или по месту прописки жить ушла. Я ж у бабушки прописана, и квартира мне достанется только по завещанию... А на какие шиши я квартиру сниму, если получаю две тысячи рублей в месяц, а Женька не работает?

– А это вообще не твоя проблема! – повысила голос Лелька. – Он что, суперпринц? Это ему негде жить, а не тебе. Кончай геройствовать. Пусть ищет квартиру, работу, что там еще...

– Расслабься, я с ним уже расплевалась, – остановила я ее, – и причем, ты будешь ржать, вовсе не из здравого смысла. Прикинь, он у моей мамани занял бабки – и свалил. Но она у меня, сама знаешь, недоверчивая, поэтому бабки ему хоть и дала, но взяла в залог

его портфель. Правда, заглянуть туда не догадалась. Думала, там ценный веник лежит или золота пять кило.

– А потом, когда он бабки не вернул, обнаружила там три куска хозяйственного мыла и полотенце с надписью «Ноги»? – весело предположила Лелька.

– Хуже, Лель. Нет, ты только прикинь: открывает моя мама Женькин портфель, приговаривая: «Там наверняка его паспорт лежит. Сейчас в милицию позвоню, заявление напишу, чтоб жулика поймали и на двадцать лет посадили», а там...

Скворцова подалась вперед:

– Ну?!

Я выдержала эффектную паузу.

– А там лежат три пары моих трусов!

Секунду Лелька молчала, а потом села на корточки рядом со мной и заскулила:

– Твои трусы?! Он их что, носил? Целовал на ночь? Нюхал их, что ли?!

– А я знаю? Сама в осадок выпала, когда увидела. А уж мамино лицо даже описать не могу... В общем, бабки он вернул только через месяц. Когда за портфелем своим явился. Хотя, нет, не за портфелем. Он явился к моему папе просить моей руки и сердца.

– О...

– Ого. Прихожу я домой после работы, открываю дверь и вижу картину: на кухне сидит мой батя. Лицом суров, как Александр Карелин перед боем. Молчит. В прихожей стоит моя мама. В слезах. Я тоже стою, ничего не понимаю. Только одно чувствую: в сортир срочно надо, иначе просветления не достигну. Но в сортир я зайти не успела, потому как услышала Женькин голос: «Дядя Слава, я люблю Ксюшу и прошу вас разрешить ей выйти за меня замуж!» Я сначала думала, что у меня переутомление и глюки. Потом поняла, что ни фига. А тут мама голос подала: «Нет, Слава, не разрешай! Он прохиндей и извращенец!» Меня почему-то никто не спросил, хочу ли я замуж за фетишиста Женю? Ну да ладно. Стою, дальше слушаю. Женька, что характерно, меня не видит. А папа бороду в кулак взял, как Иван Васильич в том фильме, и говорит: «Ксюха – баба взрослая. Я за нее ничего не решаю. Ты у нее спрашивай. А что касается меня...» Тут, Лельк, такая пауза повисла...

– Верю. Папу твоего прям как живого щас вижу...

– Спасибо. Можно подумать, он помер, тьфу-тьфу-тьфу. Ну вот, молчит он, а я трясусь как Паркинсон. Потом папа говорит: «А что касается меня, то если она мне хоть раз на тебя пожалуется, я тебе, сынок, не завидую. Ксюха мне в последний раз жаловалась, когда ей десять лет было. Ее тогда мальчик на физкультуре в живот ударил... В общем, попусту она ко мне не придет, учти. И одного ее слова мне хватит. Ты все понял?» Уж не знаю, что там собирался ответить Женька, но я решила, что мне пора выйти на сцену. И вышла. Как царица грузинская Тамара. И говорю: «Я тут краем уха слышала, что меня замуж зовут. Так вот: замуж я не собираюсь. Там хреново кормят, я помню. И уж тем более не пойду за того, кто у меня трусы тырит. Это неинтеллигентно».

Скворцова прикурила новую сигарету.

– Батя у тебя что надо. Всегда его уважала. Другой бы на его месте еще и в табло бы Женьку накатил.

– Я тоже папу люблю, – кивнула я. – Если бы не он... Но дело не в нем. А в том, что я пришла к тебе на свадьбу с целью жениха найти, а тут только Марчел да дядя Митя какой-то невнятный. И я расстроилась, Ольга Валерьевна. Изрядно, между прочим.

– Да иди ты! – отмахнулась Лелька. – Нашла где жениха искать. Ты это... Пока не рыпайся. Не хватай всякое дерьмо. Я скоро в Отрадное перееду, к тебе поближе, тогда и займемся поисками, хочешь?

– Не хочу, – улыбнулась я. – Ты мне найдешь, пожалуй.

– Найду, – согласилась Лелька. – Во всяком случае, трусы он у тебя переть точно не станет.

И мы пошли пить дальше.

Конечно, я Лельке не все рассказала, справедливо полагая, что за некоторые подробности она меня будет ругать, презирать и долго жалеть. Например, я умолчала о том, как мне пришлось познакомиться с матерью Женькиной дочери.

Я вечно вляпываюсь в идиотские ситуации. Но в такую – еще не приходилось.

– Ксенечка... – Лицо Женьки выражало мировую скорбь и нечеловеческую муку. – Ксенечка, мне очень нужна твоя помощь. Прямо не знаю, что делать...

– Что случилось? – Я отложила в сторону калькулятор, с помощью которого производила нехитрые математические действия, наивно полагая, что на дисплее высветится ответ, как прокормить семью из трех человек, включая безработного Женю, на пятьсот рублей в неделю. Вместо ответа там почему-то выскочило число со знаком минус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.